

Депутатъ отъ Россіи.

Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой.

Глава VI ¹⁾.

Недавнее присоединеніе Босніи и Герцеговины, какъ и каждое посягательство Австріи на Балканы, возбуждало протестъ Ольги Алексѣевны. Въ 1882 г., когда она издала свою замѣчательную книгу: „Скобелевъ и славянское дѣло“, въ 1888, когда она указала на предполагаемые виды Австріи на Салоники, и наконецъ въ 1908 г., когда она первая заявила въ Таймсѣ о незаконности аннексіи Босніи и Герцеговины. Она была неутомимымъ, твердымъ и безстрашнымъ противникомъ австрійскихъ узурпацій. Соперниковъ въ этомъ у нея нѣтъ, ни мужчины, ни женщины. Она заявила кн. Горчакову о несправедливости къ славянамъ, въ 1878 г. черезъ тридцать лѣтъ она же напоминаетъ Извольскому о его долгѣ въ славянскомъ дѣлѣ.

Судьба какихъ-нибудь двухъ милліоновъ славянъ въ гористыхъ мѣстностяхъ сѣверо-запада Оттоманской имперіи вопросъ большой важности. Вопросъ о гробѣ Господнемъ волновалъ всю средневѣковую Европу, изъ поколѣнія въ поколѣніе, но въ 1396 г. боснійскій король первый поднялъ знамя единенія славянъ на религиозной почвѣ. Въ Босніи и Герцоговинѣ возникли первыя волненія въ 1875 г., результатомъ которыхъ было освобожденіе Болгаріи.

¹⁾ См. „Русская Старина“, апрѣль 1913 г.

Для славянъ это святотатство видѣть колыбель славянской свободы въ австрійскихъ рукахъ.

Ольга Алексѣевна не только раздѣляетъ эти чувства, она ихъ выражаетъ, чѣмъ очень способствуетъ западному міру понять славянство и сочувствовать ему. Она именно эту цѣль преслѣдовала своей книгой „Скобелевъ и славянское дѣло“. У нея было много основаній это написать; она была другомъ русскаго героя и его политической союзницей; его симпатіи и антипатіи она раздѣляла вполнѣ. Мать Михаила Дмитриевича Скобелева приглашала г-жу Новикову ѣхать съ ней въ освобожденную Болгарію, гдѣ сынъ ея командовалъ оккупационной арміей, но болѣзнь ея мужа помѣшала Ольгѣ Алексѣевнѣ воспользоваться этимъ заманчивымъ предложеніемъ. Г-жа Скобелева была обречена на смерть въ этомъ путешествіи: она была убита черногорскимъ Узатисомъ, котораго генераль Скобелевъ выбралъ ей въ провожатые, изъ своего штаба, какъ вѣрнаго человѣка.

Скобелевъ, слава котораго была очень велика, прославился еще своими двумя рѣчами, произнесенными имъ въ послѣдній годъ его жизни; ими онъ парализовалъ корысть Австріи и на 25 лѣтъ отдалилъ присоединеніе Босніи и Герцеговины. Онъ умеръ 39 лѣтъ¹⁾.

Будь онъ живъ теперь, Австрія не рѣшилась бы поглотить эти двѣ провинціи. Книгу свою г-жа Новикова написала не для того только, чтобъ познакомить англичанъ съ жизнью народнаго героя, но чтобъ уяснить имъ стремленіе славянъ.

Это сочиненіе наполнено блестящими подвигами Скобелева. Г-нъ де-Лавеле былъ отъ него въ восторгѣ,—онъ писалъ О. А.:

„Я получилъ Вашего Скобелева и съ жадностью его читаю; кромѣ таланта, съ которымъ книга написана, я люблюсь энтузіазмомъ, которымъ дышитъ каждая страница. Она не похожа на наши западныя книги; здѣсь все старо и бесплодно. Вы еще имѣете вѣру восемнадцатаго вѣка! А это потому, что у Васъ есть будущее впереди, у насъ же что остается кромѣ надежды на реформы, слушать совѣты экономистовъ и наживать деньги. Біографія и личный характеръ Скобелева составляютъ первую часть книги, вторая посвящена дѣлу славянъ. До сихъ поръ не было въ Англии такого яснаго и популярнаго объясненія славизма. Здѣсь трудно исчислить

¹⁾ За нѣсколько недѣль до своей смерти М. Д. Скобелевъ привезъ Ольгѣ Алексѣевнѣ великолѣпный свой портретъ съ надписью: „О. А. Новиковой и отъ восторженнаго цѣнителя ея политической дѣятельности“. Этотъ портретъ О. А. пожертвовала Румянцевскому музею, гдѣ онъ находится и теперь.

всѣ стремленія, симпатіи и антипатіи, которыя должны измѣнить карту восточной Европы, но слѣдуетъ упомянуть о томъ, что касается Босніи и Герцеговины“.

По мнѣнію Биконсфильда Берлинскій трактатъ усилилъ Оттоманскую имперію прибавкой двухъ пунктовъ къ Санъ-Стефанскому договору. Болгарію раздѣлили на три части: свободная Болгарія, Восточная Румелія или полу-свободная Болгарія и Македонія, возвращенная въ рабство. Второй пунктъ: Согласіе Европы на занятіе Австріей Босніи и Герцеговины. Теперь эти два пункта уже уничтожены, а политика Россіи оправдывается.

Россія честнѣе всѣхъ государствъ соблюдала условія Берлинскаго трактата: Когда Болгарія завладѣла Восточной Румеліей, Россія менѣе другихъ державъ это поддерживала. Занятіе Австріей Босніи и Герцеговины было допущено ею лишь для того, чтобъ освободить Болгарію и Сербію.

Лордъ Биконсфильдъ грозилъ войной Россіи, если туркамъ не будетъ разрѣшено ставить гарнизонъ на проливахъ; онъ въ этомъ рассчитывалъ на поддержку Австріи. Опасеніе войны съ двумя державами оправдывало въ глазахъ кн. Горчакова уступчивость русской политики въ Берлинѣ.

Турки, не увѣдомленные о русско-австрійскомъ соглашеніи, относительно ихъ двухъ сѣверо-западныхъ провинцій, сначала отказались подписать трактатъ; они на это согласились лишь тогда, когда Австрія сдѣлала имъ секретное заявленіе, что оккупация будетъ временная и что главенство Турціи остается неизмѣннымъ.

Въ 1879 г. былъ подтвержденъ этотъ договоръ между султаномъ и Австро-Венгріей, обезпечивающій главенство султана надъ занятыми провинціями.

Когда, 5-го іюля, обсуждалась статья 25-я, Бисмаркъ такъ опредѣлялъ роль Австро-Венгріи: она уполномочена пополнить недостатки турецкаго управленія, осуществить великую задачу: сохраненіе порядка и обезпеченіе будущности населенія. Повторяю: полномочіе не передавало власть въ руки двуединой монархіи, которая продолжала принадлежать султану, договоры, заключенные Турціей, оставались въ силѣ, иностранцы были подвѣдомственны своимъ консульствамъ, австрійскіе законы не касались ихъ. Замѣчательно, что со времени занятія Австріей Босніи и Герцеговины не разъ уже появлялась опасность войны по поводу этого занятія. Первая произошла послѣ двухъ рѣчей генерала Скобелева, въ Парижѣ и въ Петербургѣ, испугавшихъ всю Европу, въ то время, но предотвратившихъ опасность, которая казалась неизбѣжной,

Содержаніе парижской рѣчи г-жа Новикова приводитъ въ своей книгѣ; это было знаменательное, всенародное заявленіе, достойное глубокаго вниманія и въ настоящую минуту.

Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ этой рѣчи:

„Европѣ грозитъ опасность великой войны! Она неизбежна; Берлинскій трактатъ топчется въ грязь Австріей; Россія нѣтъ причинъ быть довольной этимъ трактатомъ, для нея и для южныхъ славянъ это былъ плохой договоръ, по крайней мѣрѣ онъ спасаетъ ихъ отъ гнета иностранныхъ деспотовъ. Если онъ будетъ нарушенъ, будетъ война. Вы скажете, что эта война будетъ безумна, что это будетъ самоубійство! Можетъ быть, но есть обстоятельства, когда самоубійство неизбежно. Въ войнѣ нѣтъ нужды! Миръ можетъ быть сохраненъ, если факты будутъ во-время признаны. Объ этихъ фактахъ я и хочу Вамъ напомнить, такъ какъ дипломаты ихъ затемнили. Я не имѣю вражды противъ Германіи, но почему не удерживаетъ она Австрію отъ посягательствъ? Если бъ Берлинъ сказалъ: „руки прочь“, Вѣнѣ пришлось бы повиноваться. Славяне одного желаютъ,—остаться славянами; они не хотятъ быть мадьяризованы, германизованы или подъ властью іезуитовъ, говоритъ Скобелевъ.

„Австрія дано право занять и управлять двумя провинціями для установленія въ нихъ порядка, но она превышаетъ свои полномочія, усиливая рекрутскій наборъ и распространяя въ народѣ іезуитское ученіе. Славяне были самостоятельны даже подъ турецкимъ владычествомъ, чѣмъ подъ гнетомъ вѣнской бюрократіи. Почему не хочетъ Австрія дать имъ развиваться по-своему и жить своею жизнью, можетъ быть суровой и грубой, не эта жизнь должна служить основой ихъ общественнаго и политическаго развитія.

„Россія единственная страна въ Европѣ, гдѣ достаточно идеализма, чтобы воевать изъ-за чувства. Ея народъ не уклоняется отъ жертвъ за вѣру и братство. Остерегайтесь довести эти чувства до крайнихъ предѣловъ“, заключилъ свою рѣчь Скобелевъ.

Въ то время какъ Скобелевъ говорилъ это въ Парижѣ, Ольга Алексѣевна, въ статьѣ своей „Кризисъ въ Сербіи“, выражала совершенно тождественныя мысли. Оба они руководились общей имъ любовью къ славянству; у обоихъ прозвучала нотка предостереженія, и Австрія приняла это во вниманіе.

Она смутилась: гроза прошла.

Турція заявила, что усиленіе рекрутскаго набора есть извращеніе Берлинскаго трактата, незаконный захватъ власти Австріей, но, говоритъ дальше Стедъ, это было только начало нарушеній; имѣется въ виду: присоединеніе Сербіи, занятіе Черногоріи, Бол-

гарія должна была стать вассальной Габсбурговъ. Австрія распространяла свое вліяніе на Румынію и печать полна была сообщеніями отъ весьма освѣдомленныхъ корреспондентовъ о томъ, что готовится походъ на Салоники. Россія молчала, но когда храбрые герцеговинцы и босняки подняли оружіе противъ австрійскаго гнета, русскія сердца забились и Скобелевъ заговорилъ. Слова его, какъ разразившаяся бомба въ непріятельскій лагерь, разсѣяли заблужденіе, будто бы Россіи раздражить нельзя.

„Я помню, писала Ольга Алексѣевна, какъ однажды, за нѣсколько недѣль до смерти, Скобелевъ сказалъ: „Меня забавляло, что говорили за границей про мою рѣчь въ Петербургѣ: „Военный и говорить о политикѣ; это чудовищно! Они забыли, что въ Россіи отношенія Государя къ своимъ подданнымъ совершенно иныя, чѣмъ въ ихъ конституціонныхъ странахъ. Между Царемъ и нами есть что-то. Почему намъ не сказать ему, что мы думаемъ, отъ чего мы страдаемъ и чего мы желаемъ. Я думалъ, что мой долгъ былъ наказать ихъ, и я это сдѣлалъ“.

„Его рѣчь принесла пользу, говоритъ г-жа Новикова, она очистила атмосферу“.

Тѣнь русской сабли предостерегла готовящагося узурпатора. Скобелевъ, уѣзжая въ Парижъ, былъ увѣренъ, что будетъ война, если Австрія будетъ настаивать на программѣ, объявленной ея печатью. Ей необходимо было напомнить о Берлинскомъ трактатѣ, а такъ какъ никто объ этомъ не подумалъ, Скобелевъ взялъ это на себя. Дѣйствіе было произведено; вотъ что по этому поводу говоритъ г-жа Новикова. „Я часто видѣла Скобелева послѣ его возвращенія и всякій разъ онъ отрицалъ свою рѣчь въ Парижѣ; „мои слова, сказанныя вскользь, не слѣдуетъ считать рѣчью, но вотъ что произвело впечатлѣніе: „Западъ ошибается на счетъ Россіи, сказалъ я, онъ думаетъ, что мы такъ ослаблены войной, что все наше могущество уже изсякло. Это ошибка. Націю, состоящую изъ ста милліоновъ людей, способныхъ жертвовать собой за идею, не такъ легко стереть. Россія жива, и если будутъ перейдены извѣстные предѣлы, она рѣшится воевать“.

Гамбетта привѣтствовалъ слова Скобелева: „Они принесли большую пользу“, говорилъ онъ ему, „они наполнили сердца патриотическимъ пыломъ и даютъ надежду на франко-русскій союзъ. У Гамбетты одинъ врагъ—Германія, у Скобелева врагъ—Австрія, нападающая на Балканы“.

Результаты оправдали слова Скобелева, а многихъ его рѣчь утратила, между прочимъ Фруда; онъ писалъ г-жѣ Новиковой:

„Война, о которой говоритъ Скобелевъ, хуже преступленія, это было бы безуміе, преступленія могутъ прощаться, безуміе никогда.“

„Вамъ дѣлать вызовъ всей Европѣ! это возбудило бы порицаніе всего безпристрастнаго міра, и Вы пострадаете. Ваши здѣшніе друзья, друзья въ Вашемъ отечествѣ должны будутъ признаться въ своей ошибкѣ. Что Вы найдете у себя? я ничего хорошаго не предвижу отъ разсужденій Каткова, который не защищаетъ того, что самъ считаетъ справедливымъ“. Ольга Алексѣевна отвѣтила ему нѣсколько ѣдко. 30 марта 1882 г. Фрудъ смиренно пишетъ:

„Удивленный, какъ и всѣ, выступленіемъ Скобелева, я хотѣлъ узнать, готовъ ли походъ славянъ противъ тевтоновъ? въ такомъ случаѣ я бы зналъ, что дѣлать. Вы, въ этой борьбѣ, могли бы побѣдить, Австрія могла бы быть разбита, но Ваши финансы оказались бы истощенными. Выжать изъ Вѣны пять милліардовъ Вы бы не могли, даже изъ Вѣны и Берлина вмѣстѣ взятыхъ; а по моему глупому разсужденію Ваша настоящая задача—теперь заняться внутренними дѣлами. Россія сильная въ мирное время съ развитіемъ ея неисчерпаемыхъ богатствъ сдѣлаетъ все, что захочетъ своимъ молчаливымъ вліяніемъ, страхомъ и уваженіемъ, которые она внушитъ“.

Въ одномъ разговорѣ съ Скобелевымъ г-жа Новикова у него спросила: Такъ не было въ Вашей рѣчи нападенія на Германію? Конечно нѣтъ, отвѣтилъ онъ, я сказалъ, чтобы договоръ, заключенный въ Германіи и подписанный кн. Бисмаркомъ, былъ свято исполненъ; вотъ и все.

Славянская тактика состояла въ томъ, чтобы изолировать Австрію: Россія подтверждала свою дружбу Германіи, подъ условіемъ, чтобы Бисмаркъ не поддерживалъ Австрію въ ея нападеніяхъ на Балканахъ. Повидимому, это удалось, такъ какъ Австрія не двигалась 26 лѣтъ.

Въ своей статьѣ „Австрія и Россія“, г-жа Новикова излагаетъ точку зрѣнія славянъ. Въ 1882 г. она писала,—начавъ съ остроты кн. Горчакова, „Австрія не нація, она даже не государство, она только правительство. Почему такъ глубоко ненавидятъ Австрію, спрашиваетъ она, всѣ славянскія страны, принадлежащія ей и не принадлежащія“ и сама отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: да за ея ненависть, ея несправедливость, ея жестокость, за преслѣдованіе всѣхъ славянъ, нежелающихъ быть ренегатами.

Прекратите это преслѣдованіе, и ненависти не будетъ. Даже слабая попытка справедливости къ славянамъ могла бы вызвать дружбу къ ней въ Россіи.

Ольга Алексѣевна продолжаетъ: „Чего мы требуемъ отъ Австріи? Мы только желаемъ, чтобы славяне могли жить своею жизнью, какъ славяне и какъ православные. Когда графъ Таафе провозгла-

силъ, что Австрія должна признавать историческое право народностей, славяне стали надѣяться на лучшее будущее“. Гегель сказалъ: „Австрія не нація, это имперія. Если это федеративная имперія, она можетъ существовать, но если она представляетъ власть меньшинства, она обречена на гибель“.

Затѣмъ г-жа Новикова переходитъ къ жгучему вопросу о Босніи и Герцеговинѣ. „Занятіе этихъ провинцій было пробнымъ камнемъ австрійской добросовѣстности. Въ 1877 г. были сдѣланы приготовленія къ занятію Босніи и Герцеговины въ то самое время, когда гр. Андраши торжественно заявлялъ, что правительство никогда не имѣло въ виду такого шага.“

„Австрія напустила на несчастныхъ славянъ подонки своихъ должностныхъ лицъ, еврейскую саранчу и своихъ іезуитскихъ агентовъ; военные расходы въ 1882 г. въ занятыхъ провинціяхъ достигли 3.000.000 фун.“

Австрія заняла Боснію, продолжаетъ г-жа Новикова, чтобъ сокрушить славянство, и въ этомъ успѣла. 29-го сент. 1882 г. корреспондентъ Таймса пишетъ: турецкіе законы вошли въ поговорку въ Европѣ, однако въ Босніи о нихъ теперь думаютъ почти съ сожалѣніемъ; этотъ чудный край отданъ на сѣденіе австрійскимъ чиновникамъ.

Австрія не основала никакихъ учрежденій, увеличила рекрутскій наборъ, что стоило 3.000.000 ф., и австрійскіе чиновники управляютъ съ военной строгостью и съ чиновничьимъ безразсудствомъ. „Они бы стрѣляли въ насъ при первой возможности, говоритъ австрійскій офицеръ о боснякахъ, а почему? потому что не слушали благоразумнаго совѣта гр. Бейста, а слушались Биконсфильда и стремились уничтожить всякую независимость въ славянскихъ провинціяхъ. „Сербы наши смертельные враги“, говоритъ одно австрійское должностное лицо, почему? потому что австрійцы вмѣшивались въ ихъ мѣстные обычаи и хотѣли превратить славянъ въ нѣмцевъ, мадьяръ или евреевъ. Словомъ, боснійцы должны существовать для Австріи...“

Въ 1882 г. г-жа Новикова надѣялась, что Австрія поняла или начинаетъ понимать, что антиславянская политика Тиссы—измѣна.

Въ прошломъ году, пишетъ она, я рѣшилась написать въ англійской газетѣ то, что заявляютъ официальные австрійцы: но венгерское правительство сдѣлало мнѣ честь запретить № газеты съ моей статьей. Едва нѣсколько ея экземпляровъ достигли Сербіи.

Не русская газета, а австрійская „Пражскія Народни Листы“, обратилась къ нашему Государю, умоляя его принять участіе въ австрійскихъ славянахъ, какъ онъ это сдѣлалъ относительно балканскихъ.

Докторъ Ригеръ, вліятельный лидеръ богемскихъ славистовъ, писалъ Московскому Славянскому Комитету въ 1876 г.:

„Какъ могъ не радоваться богемскій народъ успѣху русской арміи? Не сражаются ли русскіе люди за право, свободу и вѣру? За челоуѣколюбіе, за честь славянскаго племени, такъ долго угнетеннаго въ Христіанской Европѣ; въ этой борьбѣ слава Россіи— наша слава, гордость славянъ въ сознаніи, что кровь нашихъ братьевъ льется не даромъ. Мы счастливы, что могущественные славяне, защищая славянъ слабыхъ, приобрѣтаютъ право на любовь и благодарность всего славянскаго міра.

Англійскій вице-консулъ въ Сербіи пишетъ г-жѣ Новиковой: „Не касаясь министерскаго кризиса и политическихъ интригъ, для меня совершенно ясно, что сербскій народъ благодаренъ Россіи за прошлое и надѣется на нее, какъ на старшую сестру въ будущемъ“.

Въ 1888 г. Ольга Алексѣевна снова принялась за протестъ. 7-го февраля она помѣстила въ газетѣ статью подъ ироническимъ заглавіемъ „Бѣдная Австрія“.

Единственное опасеніе войны у насъ, съ 1879 г., пишетъ она, въ томъ случаѣ, если Австрія, поддерживаемая Германіей, нарушитъ Берлинскій трактатъ и пойдетъ на Салоники. Такой шагъ непременно поведетъ къ войнѣ. Россія не можетъ допустить, чтобы Австрія стала тюремщикомъ для православныхъ народовъ отъ Дуная до Эгейскаго моря! Если же Австрія вспомнитъ грозныя слова „руки прочь!“, нѣтъ никакой причины для войны. Ошибка Германіи въ томъ, что она допускаетъ Австрію дѣйствовать двулично на Балканскомъ полуостровѣ. Избраніе католическаго принца на Болгарскій престолъ, постоянная вражда къ Православной церкви, жадность къ захвату славянскихъ земель, невольно вызываетъ возмездіе.

Чтобъ не нарушать миръ, Россія можетъ исполнять всѣ условія Берлинскаго договора, но нельзя требовать, чтобы она его ухудшала и подвергала бы опасности интересы тѣхъ, которыхъ благоденствіе близко ея сердцу.

Въ мартѣ она написала еще статью: „Слово предостереженія и ободренія“. Въ ней она яснѣе, чѣмъ когда-либо доказываетъ, что причина вражды къ Австріи вопросъ религіозный; католицизмъ вездѣ враждебенъ православію.

Откровенность—лучшее средство для поддержанія мира, продолжаетъ она. „Всякій, кто колеблется употребить всѣ мѣры, чтобъ сократить миръ, преступникъ, но молчаніе значитъ потворство беззаконію и поощреніе къ войнѣ.

Намъ также больно видѣть австрійскую пропаганду католичества въ славянскихъ странахъ, какъ и угрожающее движеніе ея войскъ

за предѣлы Босніи и Герцеговины. Когда, въ октябрѣ, Австрія объявила о присоединеніи этихъ провинцій, наперекоръ Берлинскому трактату, Ольга Алексѣевна первая заговорила о томъ, что Австрія не права, что въ протоколѣ Лондонскаго договора 1871 г. она обязывалась вмѣстѣ съ другими державами въ слѣдующемъ:

Существенный законъ для націй тотъ, что ни одно государство не можетъ освободиться отъ договорнаго обязательства, или измѣнить его условія иначе, какъ съ согласія договаривающихся державъ посредствомъ мирнаго соглашенія.

Г-жа Новикова написала два письма въ Таймсъ. Въ первомъ она говорила о безцеремонномъ отношеніи къ присоединеннымъ славянамъ.

Съ такой увѣренностью утверждаютъ, что австрійское правительство намѣрено воспользоваться настоящимъ положеніемъ, но если это такъ, что надо дѣлать остальнымъ державамъ? Какъ воскресить Берлинскій трактатъ? Какъ не выслушать жалобъ этихъ несчастныхъ провинцій? Но вѣдь правительства уже имѣютъ трогательное] прошеніе босне-герцеговинцевъ, поданное Гаагской Конференціи? Вотъ оно, въ двухъ словахъ написанное сербскими эмигрантами, спасавшимися отъ австрійскихъ притѣснителей: „Владычество австрійское въ тысячу разъ нестерпимѣе турецкаго“, говоритъ оно. Нельзя отрицать, что въ этомъ заявленіи видно чрезмѣрное ожесточеніе сербовъ; главный пунктъ, которому каждый православный долженъ сочувствовать, это утвержденіе, что австрійскія власти обращаются съ православными (составляющими большинство) съ неслыханной несправедливостью. Они вмѣшиваются въ ихъ религиозные обряды, выказываютъ явное предпочтеніе католикамъ; съ магометанами они одинаковы, какъ съ православными. Эти послѣдніе подъ постояннымъ надзоромъ полиціи, тогда какъ католики пользуются всѣми преимуществами іезуитскаго управленія.

Богатые мусульмане бѣжали изъ страны, и на оставленныхъ ими помѣстьяхъ устроились нѣмецкія и еврейскія колоніи. Личная свобода не обезпечена. Управленіе ведется въ полномъ противорѣчій съ понятіемъ о справедливости; полиція дѣлаетъ домашніе обыски днемъ и ночью и не применитъ застрѣлить несчастнаго крестьянина, ежели тотъ сопротивляется позорному оскорбленію надъ его женой или дочерью. Шпіонство возведено въ систему; устраиваются искусственные заговоры, чтобъ избавиться отъ лица ненавистнаго правительству. Туземцы не имѣютъ права переѣхать изъ одного округа въ другой, безъ разрѣшенія полиціи. Въ городахъ объявлено осадное положеніе, и дурное обращеніе съ гражданами на улицѣ считается вещью обыкновенной. За всякую переписку съ Сербіей или съ Черногоріей назначено строжайшее нака-

заніе. Іезуиты и евреи шныряютъ по провинціямъ, и австрійское правительство, не колеблясь, прибѣгаетъ къ постыднымъ средствамъ, чтобъ разрушать нравственность несчастнаго населенія, порученнаго его заботамъ. Вся администрація Босніи и Герцеговины въ рукахъ австрійцевъ. По послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ въ этихъ провинціяхъ состояло 1.840 должностныхъ лицъ; изъ нихъ 189 (немного больше десяти проц. православные сербы), 106 мусульманъ, остальные—1.545 австрійцы. Эта саранча чиновниковъ такъ же безнравственна, какъ бездѣтельна,—вотъ причина того горькаго недовольства населенія и застоя во всемъ, по сравненію со странами, освобожденными Русскою войной 1877 г. Петиція кончалась просьбой, во имя справедливости, избавить провинцію отъ австрійскаго владычества. Они просили о назначеніи европейской комиссіи, которая бы на мѣстѣ убѣдилась въ точности ихъ обвиненій, и справедливость ихъ указаній должна бы вызвать немедленное прекращеніе австрійскихъ полномочій.

Мнѣ неудобно входить въ подробности этихъ обвиненій, но всѣмъ славянамъ и всѣмъ православнымъ давно извѣстно, что австрійское занятіе имѣло единственную цѣль—уничтоженіе православія и славянскаго духа въ этихъ провинціяхъ. Корреспонденты различныхъ газетъ возражали противъ этихъ обвиненій, утверждая, что матеріальное благосостояніе занятыхъ провинцій увеличилось. На это Ольга Алексѣевна отвѣчала: Таймсъ 7-го октября 1908 г.

„Нѣкоторые изъ Вашихъ корреспондентовъ, англиканскаго, католическаго и еврейскаго вѣроисповѣданія, протестуютъ противъ объясненій боснійскихъ выходцевъ; они говорятъ, что зато въ матеріальномъ отношеніи провинція—очевидное улучшеніе. Но такъ ли это? Къ тому же развѣ матеріальныя богатства замѣнятъ потерю вѣры, потерю души? За эти тридцать лѣтъ, Австрія преслѣдовала Православную Церковь во всѣхъ ея догматахъ и обрядахъ. Она губить молодежь нравственно и физически. Тутъ повторяется система Меттерниха относительно сына Наполеона (всѣ знаютъ, что это значитъ). Неужели сдадутъ Австріи все населеніе провинцій, какъ стадо овецъ? Неужели же эти люди, возбудившіе восточный вопросъ, не достойны вниманія европейскаго ареопага? Не обратится ли къ плебисциту? Но будетъ ли этотъ плебесцитъ добросовѣстенъ, въ этомъ весь вопросъ! Мой голосъ, вѣроятно, гласъ вопіющаго въ пустынь. Но и одинъ человекъ можетъ сказать одно вѣское слово: въ данную минуту слово это—„остерегайтесь“.

Сообщено Е. С. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).